

350351



СЕРИЯ
ДЛЯ ГРОМКОЙ
ЧИТКИ

О. Х. Л.

П. ПАВЛЕНКО

МАТЬ

П 12

ОГНЗ
САРАТОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1944

Т о в а р и щ

Прочитай эту книжку вслух у себя на заводе или в колхозе, госпитале, школе, домохозяйкам.

После читки проведи беседу о безграничной любви к Родине, патриотизме советской женщины, — проявляющей трудовую доблесть и самоотверженность в тылу, мужество и героизм на фронте.

МАТЬ

Суровая природа Армении скупа на краски. Пейзаж с жестокою силой скручен из горных кряжей, чаще всего оголённых, как древние руины. Даже столица страны Ереван кажется вырубленной из скал. Сады почти не бросаются в глаза, хотя их много. Они прячутся в пазухах гор, в тени ущелий. Пожалуй, только в одном Лори нарушается сдержанный стиль армянской природы,—горные леса с дерзким вдохновением превращают строгие линии ландшафтов в гульбище цветов, красок и ароматов, убеждая, что и горы могут быть нежными, ласковыми. Но даже в красках Лори есть что-то строгое, мудрое, проникнутое такою мощью, которая и нежности сообщает воинственные черты.

В горах Лори, на скалах, у подножья которых сварливый Дебет день и ночь мешает волну с камнями, есть маленькая деревня Агви. Агви—имя официальное, в обычной же жизни деревню зовут «там, где Ануш Унанян». Мне кажется, скоро победит второе имя, и деревня будет переименована во славу женщины, являющейся живой гордостью Армении.

Мы долго искали Агви и едва не оказались вдали от неё.

Целью своих исканий мы называли тот колхоз, где работает больше всего фронтовиков. Таких колхозов десятки. На станции Санаин нас окружили такими рассказами о передовиках и героях, что стало вдруг непонятно, куда же собственно ехать. Колхозники, в своё время эвакуированные из Украины и теперь возвращающиеся домой с годовым запасом провианта, божились, что нет лучшего колхоза, чем «1-е Мая». Дежурный по станции, пожимая плечами в знак крайнего своего удивления нашему невежеству, совал нам в нос газету, где было написано, что тринадцатилетний Рачик Чабонян внёс в фонд обороны восемь тысяч рублей, заработанных им в колхозе. Рассказывали о каком-то замеча-

тельном безногом дояре, он же знаменитый пулемётчик в сражениях за Моздок, познакомили с братом известного снайпера, и вдруг кто-то произнёс — Унанян! — и всё сразу отхлынуло, притихло и подчинилось силе этого слова, прозвучавшего, как заклинание в сказке. Точно оно — это имя — было заведомо лучше и сильнее всех остальных, ранее названных, и с ним ничего не могло соперничать и соревноваться.

Дежурный по станции сказал голосом судьи, выносящего приговор:

— Вы люди приезжие, вам нельзя в одном месте сад смотреть, а в другом табак. Вам одно место надо, чтобы как кулак было, чтобы там всё. Верно говорю? Конечно, верно. Я сам знаю. Поезжайте к Ануш.

— Недалеко? — спросили мы.

— Туда далеко, зато оттуда совсем близко, — стал объяснять он, показывая нам рукой, что две версты вверх, в гору, значительно длиннее двух вёрст под гору, и этим несложным примером прекрасно иллюстрируя сложнейшую теорию относительности, как она в тот момент представлялась ему.

В тот же день мы добрались до Агви. Осенние леса вокруг деревни светились жёлтыми пятнами, точно увешанные обрыв-

ками солнца. Перекликаясь с лесом, ярко и чётко горела черепичная чешуя крыш. Селение было не похоже на горное.

Спрашивать об Ануш? Но глупо вопрошать о море, стоя на его берегу. Мы должны были, конечно, узнать её без расспросов. Мы уже в пути узнали, что ей 75 лет, что она и до сих пор красавица, а нрав у неё суровый и властный, к тому же она старшая в роде, членов которого здесь наберётся до сотни.

Мы знали, что у неё внуков больше, чем кур, и что невестки боятся её, как огня, и что она отдала фронту десять сыновей и пять внуков, не говоря о родственниках, более отдалённых.

Мы уже знали, что она стахановка и властвует, как самодержец, на колхозной сыроварне и что сам председатель колхоза величает её колхозной совестью.

Слишком много примет для одного человека. Будто в деревне была одна тропа и та к Ануш.

Встречные, не ожидая наших вопросов, махали нам рукой — дальше, мол! Ребята, толпой опережая нас, сзывали истошным криком всех собак округи, и собаки тоже бежали вперёд, рассчитывая, очевидно,

заняться нами именно у дома Ануш, на её глазах.

И вот она. Не расспрашивая, кто мы и откуда, она пригласила нас в дом повелительным жестом. Не знаю, каким был бы у нас разговор во дворе, на нейтральной почве, но в её доме мы оказались прикрепленными к обеденному столу. Она знакомила нас с собой, уставляя скатерть тарелками с острым овечьим сыром, яичницей, маслом, сушёными фруктами, мёдом, домашними печеньями из поджаренной муки и ещё какими-то другими, неизвестными нам, но соблазнительно вкусными вещами собственного приготовления и рассказывала о сыновьях и внуках, о колхозных делах, о войне. Всё это было её жизнью.

Она не стеснялась вводить нас в семейные подробности, как не стыдится хозяин, что у него не все деревья в саду одинаково росли или одинаково плодovиты. Мы ели сладости и ощупывали шерстяные носки, связанные для фронта, не успевая следить за хозяйкой, которая величественно скользила по дому, то отдавая какие-то распоряжения, то выслушивая доклады младших, то, наконец, повествуя нам о течении её жизни с быстро мелькающими спицами в

сухих, тонких, ещё и до сих пор женственно-красивых руках.

Зовут её Ануш, так же, как и героиню распеваемой народом поэмы Ованеса Туманяна того же названия. Эта поэтическая одноимённость её как бы переросла в духовную. Всё поэтично, всё живо, былинно в огненной старухе Ануш Унанян. Она говорит необычайно красиво, слова её так пластически лепятся, так выразительно оркеструются в предложения, что недостаёт какой-то ничтожной мелочи для того, чтобы мы начали понимать её, не зная собственно языка.

Мы заводим речь о сыновьях, что на фронте, и сразу начинается урок географии. Запорожье, Фастов, Великие Луки, Керченский пролив, Карелия. Так как географической карты нет и никто в доме не может представить, как далеки друг от друга эти места, невольно создаётся впечатление, что они по соседству и что, значит, сыновья, разбросанные по разным фронтам, конечно, часто встречаются:

— Я Амбарцуму кое-что послала,—говорит Ануш о старшем сыне.—Он, если надо, уступит часть Аветику или другим.

Подполковник Амбарцум Унанян, сражавшийся за Новороссийск и Тамань, должно быть не раз улыбался, получая на правах старшего сына объёмистые посылки для всего мужского поколения Унанянов, рассеянного от Карелии до Чёрного моря. Впрочем, в его ответных письмах,—утверждает мать,—нет точных указаний, встречается ли он с братьями.

— Может, военная тайна, кто знает,—заключает она спокойно. Да и что можно написать матери о протяжённости наших фронтов? Трудно объяснить ей, ни разу не покидавшей гор, расстояние от Черноморья до Балтики. Впрочем, это не совсем верно, что она не покидала гор. Уже в дни войны она спускалась к Сананну на железнодорожную станцию, проводить на фронт сразу четырёх сыновей.

С высокой горы станция была еле видна. Ануш остановилась на крутом повороте тропы.

— Дети, смотрите, как мы высоко живём. Кто живёт так высоко, как мы, не должен пасть низко. Запомните.

Это было её напутствием и наказом.

Приведя сыновей на станцию и усадив их в вагоны, она дала невесткам поплакать.

Жёны должны плакать, она сама плакала в своё время, а теперь её дело за всё и всех отвечать, всем управлять, всё предвидеть и всех вести. Она стояла спокойно, смотрела, как невестки хорошо провожают мужей, и вдруг сдала, ослабела душой. Вот сейчас улетят в дальний путь её четыре сокола, а она, их мать, останется дома, в тепле и уюте родного жилища, вдали от них. Она разыскала начальника эшелона и объяснила ему, что ей непременно следует ехать с сыновьями.

— Кто пищу будет готовить им?—говорила она.—Кто станет им белье стирать? Кто раны перевяжет? Это женское дело, моё дело. Я — мать.

Начальник показал ей кухни, поваров, прачечную, санитаров. Он успокоил её, сказал, что сыновья не останутся без ухода.

Оставался последний аргумент:

Она сказала:

— За детьми, сколько бы им лет ни было, глаз нужен.

И в этом отношении успокоили её. И тогда она понемногу пришла в себя, вернула себе ту величавость, ту гордую суровость, которыми славилась много лет, и

проводила сыновей, как старший воин семьи.

С тех пор она уже не спускалась на станцию, потому что попрощаться, она говорит, и дома можно.

— Чем короче слеза, тем легче путь. Этим вот, молодым, им только дай случай поплакать,—кивает она в сторону невесток,—А мне нельзя.

— Всё же вам не легко,—сказал мой товарищ.

— Да, совсем не легко,—достойно согласилась она.—Ну, а Сталину легко? У меня только пятнадцать душ там, а у него?..

Потом развернули на столе письма с фронтов. Тут уже, с безмолвного разрешения, стол был окружён всем населением дома. Письма—это было общее добро, общая радость. Каждый сел на своё место, как равный.

— Фастов, — сказал один из внуков, ткнув рукой в верхнее письмо. Они уже угадывали письма по одному внешнему виду их, потому что, наверно, не раз мысленно путешествовали по всем местам отцовских подвигов.

А у Ануш Унанян воюют десять сыновей, да пять внуков, восемнадцать внуков и

невесток трудятся в колхозе, а десятка полтора малышей ещё подрастают дома.

Теперь, в час чтения писем, все как бы обрели в её глазах права гражданства, и она говорит, оглядывая бронзовые лица и вихрастые головы:

— У меня ничего народ, крепкий, весёлый, такие у меня всегда были.

Подполковник Амбарцум Унанян — на Северном Кавказе. Возможно, что в тот час, когда мы вспоминаем его, он дрался за Керчь, за Крым. Второй, после него, Элесбар сидел сейчас с нами. Он был в отпуску после ранения. Но, поскольку он был уже дома, слова ему не давали.

Третий, Хорен — где-то на севере. Письма не дают точных указаний, но мы объяснили, что если даже он в Мурманске, так и то не особенно страшно — в Мурманске не холоднее, чем в горах Лори.

Ашот — четвёртый, сражался в Сталинграде, был там ранен, но не покинул строя.

— У нас кровь густая, как мёд, сразу останавливается, — гордо говорит Ануш, — Сурен был ранен четыре раза в одном бою и то ничего.

Сурен воевал на Западном фронте, Константин и Арутюн — на одном из Украин-

ских, Артуш — в Карелии, Левон — на Смоленщине, Аветик — не совсем ясно, где именно, во всяком случае не южнее Гомеля.

Три сына дочери Тамары — Аршалуйс, Асрибек и Саркис — учились в школе младших лейтенантов и уже бывали в боях, а два сына дочери Ханум — Аветик и Вагенак — моряки.

Ануш улыбается, почти смеётся. За письмами она не самая старшая, а самая пожилая.

— Пишут, плаваем по морю. Смех и грех. Как это можно воевать плавая?

Пробуем объяснить, что такое море, но в горах воды мало, речка мелка, камениста, образ моря лишён здесь реальности.

— Лётчиков у нас ни одного нет, — говорит Ануш. — А все мои мальчики, и Тамары и Ханум, все они, как орлы, и глаза у них хорошие, и сила есть! Ну, вот этой зимой ещё один внук на очереди. Обязательно, — сказала я, — чтоб летал. Вернётся, расскажет, как там, в небе. Из нашего Агви никто вверху не бывал, все по земле ходили, первый должен быть мой.

И такая простая и гордая сила чувствуется в её словах, что мы невольно за-

глядываемся на неё. Без семьи Унанянов не мыслит она своей Родины. Родина начинается здесь, в доме, у колыбели внуков, поднимается до колхоза, а от него ещё выше и дальше, до полков, дивизий и армий на всём пространстве фронтов. Если летают другие, могут и Унаняны. Если другие свершают подвиги, грех не совершить Унанянам. Она не хочет быть худшей ни в колхозе, ни в республике, ни в Союзе. Уж если вышли за околицу родного села, держитесь не хуже, чем дома,—таков её простой и мудрый закон.

— Кто своего дома не любит, тот всюду чужой, — говорит она. — Наш дом всегда крепко стоял. В день моей свадьбы построили его, сорок восемь лет тому назад. Здесь все дети родились. Здесь покойный муж мой Мовсес наших молодых большевиков при царской власти прятал. Здесь, в этом доме, мы и немцев в 1918 году видели. Кто их раз видел, никогда не забудет, некрасивый народ, жирный, грубый, много есть любит, много спать любит, жадный народ. Я на них давно зло имею и всегда сыновьям пишу: бейте, сколько возможно, никогда не жалейте. Если немец сам себя не жалеет — к нам полез, зачем мы его

будем жалеть? И я правду говорю. Кто у себя дома не сидит, по чужим местам шляется, на чужое зарится, у того совести нету. Шакал и шакал. Я так и пишу, и мои все слушаются.

Ануш испытующе оглядывает стол, над которым свисают добродушные и лукавые мордочки детишек. Они тотчас рассеиваются по сторонам, как букет на ветру. Очевидно, час писем прошёл. Пора за дело!

350351

НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Отв. за выпуск Н. Богданова. Корректор Н. Пржевальская.

НГ22777 16-11 1944 г. Тираж 20.000. Цена 15 коп. Заказ № 1156.
Печ. л. 1 1/2. Уч.-изд. л. 0,6. Саратов, Типография газ. „Коммунист“

15 коп.